

временном процессе. Отсюда некоторая костюмированность, декорации. Чем выше, духовнее эстетическое понимание, тем выше, сложнее, глубже играемая роль. Изгоняется хаос непосредственности, вырабатывается ритм поведения, некий одухотворенный лик.

Известный искусствовед, муж Анны Ахматовой - Н. Н. Пунин говорил, что в ней всегда была отчужденность, внутреннее внимание, обращенное на творчество. Это, несомненно, так, но еще была недоступность для окружающих избранного поэтического образа. Всегда определенный ритм движений, всегдашняя шаль.

У Макса это, несомненно, было тоже, причем у Макса это было еще сопряжено с прекрасной, высокой этикой. Прекрасное и доброе для него сливались. Отсюда отрешенность от всего бытового, внутренняя отрешенность; некая недоступность в общении, декоративность внешнего образа, окружающей обстановки, помогавшей быть гармоничным и сосредоточенным. Выработанность высокого, прекрасного поэтического образа. ...

"МОЙ ДОМ РАСКРЫТ НАВСТРЕЧУ ВСЕХ ДОРОГ..."

Мария Волошина ИЗ КНИГИ "МАКС В ВЕЩАХ"

... Опять перейду к описанию кабинета Макса.

Вся южная стена, от окна до западной стены, сплошь покрыта картинами, портретами, фотографиями, полками с книгами и разными другими вещами. Рядом с окном, высоко - этюд Коктебеля, работа мисс Харт, англичанки, с которой Макс познакомился и был одно время очень близок. Этот этюд написан ею в 1911 году, когда она гостила в Коктебеле у Макса. Под этим этюдом - портрет Пра, Елены Оттобальдовны, работа Макса, темпера.

Рядом с портретом - *interieur*, работа Елизаветы Сергеевны Кругликовой, ее парижская комната.

Под портретом Е. О. - две фотографии, сделанные Максом: одна - мисс Харт, другая - Анна Рудольфовна Минцлова. Анна Рудольфовна Минцлова в жизни Макса играла очень большую роль, но об этом нужно говорить отдельно.

Под этими портретами висит карандашный портрет Макса художницы Баруздиной, рисовавшей Макса в 1916 году.

Еще ниже - фотография с портрета Макса художника Головина. Сам портрет писался для редакции "Аполлона" в 1909 году.

Под этим портретом - снова портрет Макса работы мисс Харт, сделанный в Коктебеле, в 1911 году.

Под интерьером Кругликовой висит гипсовый слепок головы Гомера, привезенный Максом из Парижа. Под головой Гомера - двойная полка, сделанная Максом, с выжженным по дереву орнаментом рисунка самого Макса (на одной стороне полки выжжена голова дракона).

На верхней доске этой полки стоит много разных словарей: немецко-русских, французско-русских, японо-русских и т. д. Эти словари конкретные свидетельства того, как работал Макс над словом в разных его видах. Эти словари были как бы инструментами его профессии. Макс, несмотря на то, что знал хорошо французский язык, немецкий хуже и не любил его, часто просто читал словари.

Всякий не родной язык Макс любил слушать и познавать сам в его корневом звучании.

Макс дружил в Париже с поэтом Бяликом⁷⁴⁸ и считал его гениальным поэтом. Бялик читал Максу стихи, переводя их на французский язык, а писал он свои стихи на древнееврейском языке. Макс два года изучал древнееврейский язык, чтобы прочесть

⁷⁴⁸ Бялик Хаим-Нахман (1873-1934) - еврейский поэт.

несколько особо нравящихся ему стихов Бялика в подлиннике...

Также, путешествуя по Аравии⁷⁴⁹, Макс познакомился на пароходе с одним молодым арабским поэтом. Макс запомнил стихи, они произвели на него сильное впечатление, и он полтора года занимался арабским языком, чтобы прочесть их самому в подлиннике.

Отношение Макса к слову и языку и работа над поэтическим словом требуют особого рассмотрения. Все, что относится к живому языку, образные слова и выражения, он как-то особенно улавливал. Ценил правильную, чистую русскую речь.

Макс приходил в совершенный восторг и заставлял меня по несколько раз рассказывать, как я, передавая свою поездку, вернее, посадку в вагон, начала "швыряться руками и ногами". А когда я как-то, говоря о нашей общей болезни и неустройстве поэтому в хозяйстве, сказала: "У нас дым стоял коромыслом в буквальном смысле слова", Макс пришел в восхищение. Нарисовал даже карикатуру, как дым был в виде коромысла (потому что дымила печка), а мы лежали в постелях на концах этого коромысла.

Мне сейчас трудно передать всю прелесть Максиной шутки. Он очень умел подмечать и художественно подчеркнуть меткие выражения.

Однажды к нам неожиданно приехали из Отуз татары в гости. Они были очень некстати, и я, вбежав к Максиму, сказала: "Незванный татарин хуже гостя!" Макс был очень доволен этим переверотом пословицы и находил, что если придумывать, то не придумаешь так удачно пословицы для нашего дома.

Также очень любил творческий детский язык. Всегда вслушивался и много на нем останавливался.

На этой же полочке разного рода вещицы, вырезанные из сучков и веточек В. А. Верховским⁷⁵⁰. Верховский делал очень много таких фантастических птичек, а Макс дарил, кому они нравились. А когда получал, прилаживал любовно на полку: "Пусть они сидят, пока не полетят дальше".

Тут же около птички примостил хрустальную печатку с гербом дедушки Оттобальда Андреевича Глазера. Макс этой печаткой не пользовался. Герб на печати: внизу серп месяца, обращенный остриями вниз. На остриях по пятиконечной звезде. Над месяцем, в середине его, - стремящаяся вверх стрела.

Около печатки ракушка, привезенная Максимом из Неаполя. А спереди немного - Максина детская фотография в возрасте одного года. ...

Дальше на той же полке стоит фотография Макса гимназистом 1-го класса московской гимназии. Прелестное, ясное, доброе детское лицо с умными глазами.

И тут же рядом лежат кристаллы разных горных пород - друзья и свидетели Максиных горных путешествий по загранице. Макс часто подходил к полке, брал то один, то другой кристалл, рассматривал, прикладывал к буквам, смотрел на преломление света. Любил время от времени просто подержать в руках эти предметы как воспоминание своих прошлых дней, свидетелями которых они были.

Нижний ярус полки хранит на своем тесном пространстве такое же обилие предметов, спутников Максиной жизни.

Фотографический снимок Маргариты Васильевны Сабашниковой, сделанный самим Максимом. Фотография Елены Оттобальдовны, лет 35-ти, в мужском костюме, как она ходила всегда в то время.

Макс о ранней поре говорил: "Материнство для меня - это ботфорты и стек". Говорил он об этом с некоторой грустью. Об отношениях матери и Макса нужно говорить отдельно. Отношения эти были сложные и с первого взгляда непонятные. Безумно любя и гордясь своим сыном, Е. О. никогда, ни при каких условиях не показывала этого Максиму. С

⁷⁴⁹ 493 Документальных сведений о пребывании Волошина в Аравии нет.

⁷⁵⁰ Верховский Вадим Никандрович (1873-1947) - химик.

младенческих лет она сознательно лишила его ласки, кроме официальных поцелуев при прощании и здорованье. И только в 20 лет Макс пил с матерью на брудершафт⁷⁵¹, а то внешне у них всегда были официальные отношения. Макс был удивительно послушный и ласковый сын, но Е. О. никогда его ни за что не похвалила. Когда он приносил матери свои первые стихи, она говорила: "А у Пушкина лучше". И так до конца дней.

Когда я, уже в мою бытность с ними, вступалась иногда за Макса: "Пра, но ведь таких людей, как Макс, не бывает. Чего ты от него хочешь? Ведь он замечательный человек и такой же сын!" - она отвечала: "Да, таких, как Макс, очень мало; но я, как мать, хочу, чтобы он был еще лучше. Я совсем не хочу быть похожей на всех матерей: родила, мой сын, значит - лучше всех. Нет, я вижу, что Макс очень хороший, но мне всегда хочется, чтобы он был еще лучше".

И она была часто непонятна и в своих требованиях, и в придириках, хотя Макса она обожала и им жила всю жизнь.

Тут же стоит портрет Александры Михайловны Петровой, друга Макса с юношеских лет. В гимназические годы Макс жил в Феодосии на квартире у Петровых. Здесь он подружился с Александрой Михайловной, которая была лет на пять старше Макса.

Александра Михайловна была очень интересный, страстный, ищущий человек. В жизни Макса она была радостным и верным другом. Она понимала и интересовалась его делами и стихами. Весь юношеский задор и стремления, неудачи и впечатления Макс нес Александре Михайловне, и она самым искренним образом всем этим интересовалась и входила во все его дела, восторгаясь, критикуя и негодуя. Словом, была настоящим добрым другом, давая Максиму то, чего он не мог получить у матери. С Александрой Михайловной Макс сохранил дружбу до конца ее дней. Она умерла в 21-м году в Феодосии. У Макса сохранилась большая переписка с Александрой Михайловной, где лучше всего рассказано про их взаимоотношения и чем была для Макса А. М.

На этой полке много еще фотографий: Анны Рудольфовны Минцловой, сделанная Максом в Париже, Бальмонта, с надписью "Максу - Бальмонт", Блаватской, Макса мальчиком лет 6-7, Макса с матерью, фотография Верлена, Штейнера, Герцена, М. В. Сабашниковой. Еще портрет Штейнера, которого Макс лично знал и с которым познакомил всех русских антропософов. Очень уважая и интересуясь антропософией и самим Штейнером, он считал его одним из самых интересных людей, с которыми встречался. Фотографии Байрона, Богаевского, группа-дагерротип семьи дедушки Глазера.

Это всё те, кого Макс любил, с кем была связана его жизнь на тех или иных ступенях.

Кроме портретов, тут дюреровская "Меланхолия", хорошая копия с гравюры, Макс ее очень ценил. Подарок Бальмонта - маска "майев", привезенная им из Мексики. А рядом с ним - древнегреческий светильник, на котором изображена рельефом голова греческого Вакха. Барельеф одной из сцен "Душеньки" Богдановича, работа Ф. Толстого - подарок Максиму Екатерины Федоровны Юнге (дочери Ф. Толстого). ...

Аметистовая печатка Макса. Макс любил и драгоценные, и все камни. Печатками не пользовался последние годы, но любил их и часто просто рассматривал.

Венецианская вазочка - под зеленой, венецианского стекла, лампадой. Фарфоровая чашечка - подарок бабушки. В этой чашечке лежат медали и монеты, найденные в Крыму. Неаполитанская раковина, акварель (чей-то подарок), кристаллы аметистов и халцедона. И три прекрасных индийских раковины.

Об Индии, как и Японии, Макс мечтал в молодости и очень хотел побывать в этих странах. Начиная даже изучать японский язык, но так и не удалось ему попасть в эти страны. Но раковины индийские попали к Максиму. В одну из поездок в Европу Макс томился долгим

⁷⁵¹ 494 Марина Цветаева свидетельствует, что Волошин при ней, уже тридцатишестилетним, перешел с матерью на "ты" (см. с 231)

ожиданием отхода парохода в Александрии⁷⁵². Был пасмурный осенний день, "совсем как в Петербурге, не хватало только охтенских огородов".

Пароход нагружали, и все это делалось очень долго. Вдруг из облаков, словно из глубокого жерла, луч солнца упал на рядом стоящую фелюгу. И Макс увидел, что оттуда вылетает что-то очень яркое, красивое, из рук в руки, как веером, на пароход. Макс бросился по сходням вниз к фелюге. Оказалось: перегружают привезенные из Индии прекрасные жемчужные раковины, которые в лучах солнца отливали необычайными цветами. Макс был восхищен, улыбался, стал выражать восторг на 6-ти языках, повторяя: "А я, а мне?" Один из грузчиков, малаец, видя такой восторг Макса и поняв его желание, протянул ему одну из лежащих теперь на полке раковин. Макс прижимал ее к сердцу, благодарил улыбкой, жестом. Жестикуляция шла с двух сторон. Заметив это, подошел капитан парохода. Макс стал на всех, какие он знал, языках объяснять, что он не украл, что раковина ему очень нравится, что он готов оплатить ее, но денег у него нет, а он может вымыть палубу или исполнить другую какую-нибудь работу, но только не отнимайте у него раковину. Он русский поэт, напишет стихи об этой раковине. Капитан оказался голландец. Понял Макса, они стали говорить по-французски, и он предложил Максиму выбрать еще несколько, какие понравятся. И Макс выбрал еще две. Они-то и лежат на полках. И часто, часто Макс ими любовался. И написал стихи "Коктебель", сравнивая его залив с одной из этих раковин.

Под большой полкой висит маленькая, сделанная и украшенная Еленой Оттобальдовной. На ней тоже масса дорогих Максиму вещей. Старинная венецианская вазочка. Неаполитанская, причудливая раковина. Глиняный светильник из Македонии. Медный старинный чернильный прибор с песочницей, весь резной, перешедший к Максиму от деда.

Под ним - старинная французская книга, подарок Н. А. Айвазовской.

Подаренная Бальмонтом лепная мужская голова из Мексики. Гипсовый слепок с французской скульптурной группы (автора не знаю),

В 1898 году Макс был в Каире и встретился там с английской археологической экспедицией, работавшей в Египте. Памятником этой встречи осталась бронзовая статуэтка, которая стоит в уголочке этой полки. Макс берег ее и дорожил ею. "Искусство всегда живет. Ни изображенный, ни ваятель не известны, а искусство живо. Посмотри, как она сделана. 5 тысяч лет в земле пролежала, и как она прекрасна".

В другом уголке этой полки - гипсовый слепок египетской группы фараона, кажется, Аменофиса IV с женой. И они словно опоясаны браслетом из кораллов, оставленным здесь Лилей-Черубиной "погостить".

Статуэтка японца и каменная статуэтка какого-то монгольского божка. Граненый кусок хрусталя. Дедушкин резак для книг.

За полочкой - приколотый к стене кусок пергамента, на котором тушью и кинovarью написана по-еврейски еврейская молитва и переведена на русский язык. Зашел к Максиму как-то еврей-хасид. Прожил у нас⁷⁵³ дня и оставил эту молитву, благословение Дому.

Макс особенно интересовался древней еврейской историей. Очень любил разговаривать с хасидами, раввинами, знал хасидские легенды и часто их рассказывал.

Ниже этой надписи, над самым диваном, который в летнее время служил Максиму и постелью, висит на стене кусок рисовой ткани, сотканной из рисовой соломы. Набедренник, который носят в Африке крестьяне-берберы. Максиму нравилась эта ткань, и он купил ее где-то на африканском берегу.

На этой же стенке, правее, рисунки, акварели, дружеские шаржи на Макса его друзей в

⁷⁵² 495 О пребывании Волошина в Александрии (и вообще в Африке) документальных сведений нет. По-видимому, это легенда, автором которой был сам поэт (см.: Купченко В. Муза меняет имя? - Советский музей, 1985. № 3).

⁷⁵³ 496 Нина Александровна Айвазовская (?-1944) - внучатая племянница художника И. К. Айвазовского. Ее портрет работы художницы А. А. Арендт хранится в Доме-музее Волошина в Коктебеле.

Париже: "Макс в Испании", Макс в виде цыпленка.

И тут торчит подсвечник гипсовый - гипсовая "горгуля" с Notre Dame de Paris⁷⁵⁴, купленная Максом в Париже. На "горгуле" подвешена тавлинка из дыни для табаку. Это подарок Максусу с острова Майорки испанским рыбаком, у которого Макс там жил.

Макс часто из Парижа путешествовал в Испанию⁷⁵⁵. Без лишних сборов, рюкзак за плечи, садился в поезд до испанской границы, а там через Пиренеи пешком в Кастилию, Арагонию, где сядет в поезд в 3-м классе. "Совсем как у нас".

"Иногда я забывал, и мне казалось, что я еду в России, те же рабочие, бабы с ребятами, узлами, шумят, кричат, едят, и даже в речи русские интонации слышны". Особенно Макс любил ходить по дорогам Ламанчи, там, где путешествовал Дон Кихот. Он видел там те же кабачки и сеновалы на постоянных дворах, что описаны Сервантесом. "Все то же и до сих пор все то же". Крестьяне на ослах, старинные кареты, трактирщики за стойками и те же мельницы... ..

Макс не путешествовал просто для путешествия, отыскивая новые впечатления. Его путешествия не были похожи на обыкновенные путешествия. Он, прежде всего, ходил пешком и посещал те места, которые конкретно были с ним связаны. Он мне как-то говорил: "В гости к тому или иному поэту". Он шел на кладбища, где лежали Байрон, Гейне, Шекспир и т. д. Затем он посещал все те места, где жили те или иные поэты и большие, ему интересные люди, и все, что с ними связано. Точно так же прошел все те места, где был, останавливался Игнатий Лойола. Жил две недели в том же монастыре в Монсеррате. И прошел все пути Франциска Ассизского.

В той же Испании он прошел ущелья и дороги Дон Кихота.

Тамара Шмелева НАВЕЧНО В ПАМЯТИ И ЖИЗНИ

... Прошло целых десять лет после первой встречи с Максом.

Шел ноябрь 1918 года.

Крым и вся Украина были оккупированы немцами. По улицам маршировали немецкие солдаты в серо-зеленых мундирах и вели себя вызывающе нагло.

Помню квадратные спины и плечи

Грузных германских солдат⁷⁵⁶...

Я их ненавидела, а иногда даже плакала, встречая на улице. По глупому упрямству категорически отказалась заниматься немецким языком в школе. Так и осталась незнайкой.

В Крыму, и особенно в Ялте, было много бежавших с Севера от голода и разрухи.

Немецкая оккупация отрезала их от остальной России.

Среди беженцев было много деятелей искусства, и в городе начали открываться различные школы и студии под руководством известных художников и артистов.

В театральной школе преподавала М. С. Щепкина - артистка Малого театра, в постановках принимали участие Татьяна Львовна Щепкина-Куперник и артист Сазонов⁷⁵⁷.

В городском театре, бывшем Новикова (ныне театр им. Чехова), силами студийцев и с участием профессиональных артистов в главных ролях, ставили Шекспира ("Сон в летнюю ночь"), Гауптмана ("Потонувший колокол"), Б. Шоу ("Апостол сатаны"), пьесы Оскара

⁷⁵⁴ Собор Парижской Богоматери (франц.).

⁷⁵⁵ 497 Волошин был в Испании дважды в 1901 и 1915 гг.

⁷⁵⁶ 498 Строки из стихотворения Волошина "Неопалимая купина" (1919)

⁷⁵⁷ Сазонов Петр Павлович (1883-1969) - актер и режиссер.